

Чурсина
Людмила

Красавица в советском кино всегда была в избытке. Русских красавиц. И таких разных: каждая для своего времени, каждая со своей изюминкой.

Людмила Чурсина — красавица на все времена и для всех народов. Мировой стандарт.

Не случайно Голливуд мечтал ангажировать нашу красоту на три года. И дал ей имя русской Мэрилин Монро.

Красота — страшная сила. Красота плюс гордый нрав — крест, нести который под силу не многим. Она не привыкла жаловаться, никогда не попросит о помощи. Сама, сама... Все сама. Сама выбирает роли, сама оставляет мужей. Сама остается у разбитого корыта, сама пытается его скленть. А на днях сама отмечает 65-й день рождения. Не под фанфары и не в компании великих. От величия одно лишь название — Великие Луки.

Провинциальный городок, где сильная женщина может позволить себе быть слабой.

— Там у меня мама с папой и вообще много родственников, — объясняет Людмила Алексеевна. — Езжу к ним постоянно...

— Никогда не думали перевести родителей в Москву?

— Одно время они жили в Москве, прямо напротив американского посольства. Но поскольку очень стало многолюдно, многомашинно, а у мамы проблема с глазами, ее нужно было выводить гулять, — они решили вернуться в Великие Луки.

— Счастье, наверное, в вашем возрасте иметь живых родителей. Кстати, сколько им лет?

— Папе — 92-й год пошел, маме — 86. Конечно, счастье. Знаете, такая есть поговорка: «Пока живы родители, мы дети». Но в какой-то период времени все происходит немножко наоборот... Мне рано пришлось стать взрослой, самостоятельной. Во-первых, я старшая сестра, во-вторых, уехала из родительского дома сразу после окончания школы. Да и потом полагалась только на собственные силы.

— А зачем женщине самостоятельность? Разве не хочется припасть к плечу сильного мужчины?

— Смотря какие мужчины и какой характер у женщины. Есть разные женщины. Кто-то любит ничего не уметь. И такой вот киской предстать, и смотреть, хлопая глазами, как Мальвина. Но сегодня так много самостоятельных женщин, бизнеследи, которые тоже могли бы сказать, что быть женщиной — это не значит ничего не делать и заботиться только о собственной внешности и красоте. Лично мне это никогда не нравилось. Можно было в жизни так устроиться, но это не мой стиль жизни.

— Какой ваш?

— Достаточно подвижный. И я люблю равенство и справедливость.

— А разве справедливо, что у вас, например, нет машины?

— А я даже не пытаюсь — наверное, могла бы ее купить. Но вы же знаете, какое движение в Москве. Потом, если это съемки, за мной присылают машину, а если по своим делам, то удобнее на метро.

— Представляю: в час пик народную артистку зажимают с четырех сторон.

— У меня в этом плане все продумано. Сейчас не проблема выйти, поднять руку и остановить машину. Вплоть до «Мерседеса».

— Наверное, если бы сохранился Советский Союз, у вас сейчас была бы и персональная машина, и личный водитель...

— Нет, вы ошибаетесь. Вы о-ши-ба-е-тесь. Я же не была председателем Союза кинематографистов, не возглавляла ВТО, не являлась худруком какого-либо театра.

— Можете, стали бы. Вы были членом партии, входили в ЦК ВЛКСМ, выступали с пламенными речами на съездах, «народную» получили очень рано, в сорок лет...

— Еще в ЦК профсоюзов выбирали... Нет, ну, во-первых, членом партии я стала уже будучи народной артисткой СССР. И это были не пламенные речи. Высказывала свои взгляды, свое видение. Я всегда понимала, что как актриса мне достаточно будет и лирического выступления... «Выступали пламенно...» Как могла, так и выступала. Если необходимо было пламенно, я это пламя и давала. А потом, вы знаете, у меня свое к этому отношение: я не стыжусь и не отрекаюсь ни от чего, что было в моей жизни. Самое главное — сознание того, что ты не делал глупостей подлых и подлостей глупых. А все остальное — простите, я была человеком своего времени.

— Никто и не спорит, Людмила Алексеевна, вам незачем оправдываться — время было такое.

— Да, и в это время было много хорошего — яркого и очень интересного. Самое главное, вы согласитесь, все пребывает в равновесии влюбленные времена: добро и зло. И уже от человека зависит, насколько он предрасположен к одному или к другому. Да, я бывала на съездах, на пленумах, но ничего в этом не понимала, более того — недоумевала по многому из того, что происходило. И я не оправдываюсь, просто говорю, что бесполезно, наверное, занимала те места. Я много работала, я всегда любила дом, всегда находила общение среди друзей, друзья у меня были не из Политбюро и министерств, а самые обычные, нормальные люди... А в общем, человек — вечно сомневающийся, вечно мучающийся внутри себя, если он человек. И история меняется, история переписывается по несколько раз: теперь уже есть Россия, которую мы потеряли, Россия, которой не было, и Россия, которая будет. Конечно, историю надо осмысливать, пытаться делать из нее какие-то выводы. Отказываться раньше времени ни от чего не надо.

— Зачем же в 91-м вы положили партбилет на стол?

— Я нигде ничего не ложила. Информация такая была? Сегодня может быть любая информация — информация, что мне сделали операцию на глазах... А я просто приехала в больницу проверить глаза, уточнить очки и договориться о том, что маме удалят катаракту. Поэтому не доверяйте сегодня какой-то там информации. Вот вы говорите со мной — я первоисточник. И что вам отговорить?... Никуда, никому партбилет не ло-жи-ла. У меня он хранится до сих пор. Как реликвия: как комсомольский билет, как документ времени...

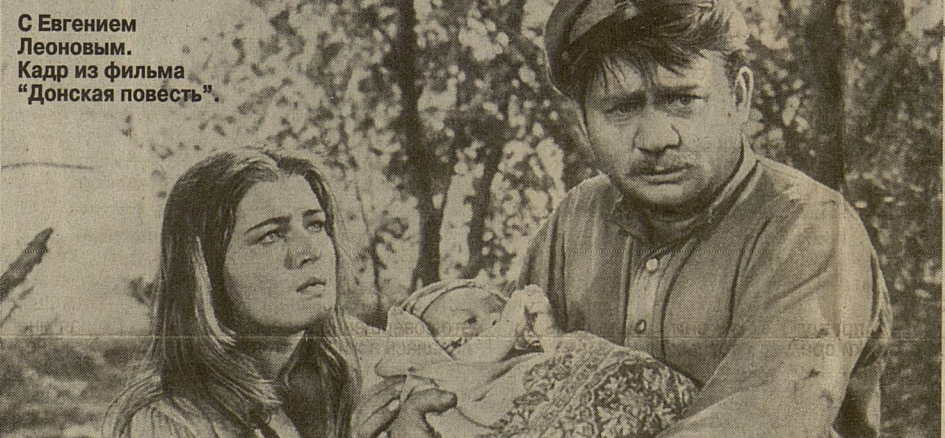
— Недавно на канале «Культура» была передача об Ахматовой, вы там читали текст от автора. Сейчас приходится брать за любую подработку?

— Простите, если вы называете участие в передаче о нашем великом поэте, об Анне Андреев-

ВЛАДИМИР ЧИСТЯКОВ

С Евгением Леоновым. Кадр из фильма «Донская повесть».

Людмила Чурсина:

«Мужчинам только кажется, что они выбирают»

не, чтение ее писем и стихов подработкой, то что тогда можно назвать работой? Я считаю, что любая работа ума прибавит.

— Но раньше из пяти сценариев вы могли вернуть четыре. Сейчас разве можете себе такое позволить?

— Конечно, с работой сейчас сложно. Вы знаете, в этом плане замечательно сказала народная артистка России Ольга Волкова, моя партнерша по спектаклю «Дура, эта любовь». Очень тонкого ума и юмора, своеобразного языка человек. И у нее непростая ситуация, когда помогать надо многим. Так она говорит: «Корона не упадет». Нет, всеядность не свойственна мне, когда есть возможность выбирать, я это делаю. Иногда, знаете, небрежное отношение бывает к актерам, независимо от их звания и ранга. Всех как-то странно превратили в винтики-шпунтики, которые бегают по огромным ангарам, где снимаются все эти бесконечные сериалы. У меня в этом плане есть своя мера. Когда уровень небрежности зашкаливает: когда не позвонят, когда уже высылают машину для подписания договора на 150 серий, а потом вдруг — ой, а мы не знали, извините... Я никогда не выясню, не пытаюсь убедить: мол, давайте я попробую, я сделаю это интересно. Просто говорю: спасибо и до свидания.

— Всегда были такой строптивой актрисой?

— Я бы не сказала, что строптивая, я достаточно выдержанная, терпеливая. Я всегда даю людям время, прежде чем это сказать. Думаю, прошитые десятилетия дают мне на то основания.

— И никаких сожалений — сказали как отрезали? И даже Голливуд?

— Никаких сожалений. Где родился, там и пригодился, считаю. Даже в голову никогда не приходило. Еще понимаю, если б это был совместный фильм, как в свое время Людмила Савельева снялась вместе с Софи Лорен, я и сама снималась в Венгрии, в Германии. Но поехать на три года в Америку, участвовать неизвестно в чем...

— А с другой стороны — единственный шанс. Обидно...

— Вы знаете, у меня есть такое обращение к своей судьбе и к космосу: пусть моя придет ко мне, а не мое — минует. Когда много интересных ролей, самобытных, потрясающих женских характеров, когда потрясающие авторы: Шишков, Шолохов, Куприн, Мамин-Сибиряк... Да нашему кинематографу я могу только поклониться!

— Вы сказали про одну неверную информацию, была и другая — про пластическую операцию. Скажите, возраст для актрисы — большой вопрос?

— Все индивидуально. Я думаю, к возрасту надо

от-но-ситься очень мудро и спокойно. Хотя сейчас вся реклама и все вокруг нацелено на то, чтобы: молодое тело, молодое лицо, сексуальные ногти, сексуальные волосы — такое впечатление, что жить можно только до тридцати, все остальное нужно уничтожать. Нет, все замечательно, прекрасно. Красивая сегодня молодежь, и слава богу, что они научились ценить дар, который им отпущен. Но! Лицо — это мистика, лицо — это продолжение мысли природы и творца. И его очень уж исправлять не надо... Да, актриса должна выглядеть. Но молодость — товар скоропортящийся. Простите, ничего не бывает вечного, нельзя вечно быть Джульеттой. И если она в 80 лет все пытается играть Джульетту — это нелепо, это вызывает ощущение, что да, немножечко поползли мозги... Вообще, возраст — это состояние души. Иногда мне бывает 150 лет, а иногда и 18.

— Но вы как-то боретесь с возрастом?

— Да никак не борюсь. Борюсь по рецепту Гете, который сказал: «Праздная жизнь — преждевременная старость». Вот я и пытаюсь не устраивать себе праздную жизнь.

— Людмила Алексеевна, давайте я еще раз обращусь к вам, как к первоисточнику. Писали, что вы едва не согласились сняться для одного эротического журнала.

— Вы знаете, это было давным-давно. Я много ездила, проходила Недели советского кино, я работала членом жюри на фестивалях. Естественно, была молодость, все было при мне. И поступали такие предложения. Но я сразу понимала, что для нашей морали и для моих убеждений это противоестественно. Поблагодарила за предложение и сказала: «Это не мой формат». Понимаете, мне гораздо интереснее видеть, что в глазах. А что касается форм тела... Это пускай каждый фантазирует как может.

— А вы умеете пользоваться своей красотой?

— Во-первых, я не считала и не считаю себя красивой. Это сейчас я понимаю: чем тебя природа наградила, будь доволен, береги и умей это нести. Но всегда мне хотелось как-то по-другому выглядеть, по дурусти, наверное. Глаза чтоб другие — мне казалось, они у меня какие-то узкие. Считала, что очень высокая, стеснялась

своего роста. Потому что партнеров в школе на выпускном балу почти что не находилось, ребята были гораздо ниже меня ростом. Даже в училище наши будущие герои-любовники статью тоже в общем-то не отличались. Это сейчас мой рост — метр семьдесят семь — считается стандартным. Мне, например, скоро предстоит сняться в картине, где у меня каблук 12 сантиметров. И в общем-то понимаешь, что это уже не какая-то сверхвыдающаяся ситуация. А тогда... Да, комплексовала. Но побывала за рубежом, в той же Америке, в Италии. И поняла, что Софи Лорен, например, не испытывает проблем от того, что она крупная. И начинала тоже этому учиться.

— Но вас называли советской Мэрилин Монро.

— Мало ли как называли: и Мэрилин Монро, и Софи Лорен русского розлива. Но вы знаете, это не обидно. Не с бабой же Нюрой какой-нибудь, американкой из Нью-Джерси, сравнивали.

— Вы говорили про комплексы, связанные с внешностью. Скоро мужчины вас переубедили в обратном?

— Когда замечаешь, что оглядываются и смотрят — каждый в меру своего воспитания: либо восхищенно, либо несколько нагло, что меня всегда раздражало, — конечно, ты начинаешь понимать, что это в общем-то не на пустом месте. Но мужские взгляды — одна сторона медали. Еще же есть и недоброжелательные взгляды женщин. Но здесь уже, как говорится, ничем не могла помочь: ни одним, ни другим.

— Вы не считали, интересно, скольким мужчинам отказали от предложения руки и сердца?

— Вы знаете, многим... Но, во-первых, я не занималась подсчетом, мне это было неинтересно. И потом, мужчинам только кажется, что они выбирают. Все равно выбирают женщины.

— Вы в этом уверены?

— Абсолютно. Во всяком случае, так в моей жизни происходило. А в принципе, как вы сами понимаете, браки совершаются на небесах. И как бы мы ни гадали, почему эти два человека встретились, вроде совершенно не соответствующ друг другу: он красавец, она лилипутка или наоборот — да ради бога, может, они счастливей всех на свете.

— Но вам почему-то в женихи молва приписывала исключительно богатых и знаменитых. То продюсер-итальянец, то американец-миллионер...

— Ну как вам сказать... Наверное, не бывает дыма без огня. Естественно, ухаживали. Но что об этом? Сейчас ведь любая из актрис может пофантазировать: да, дарили белый «Роллс-Ройс», и так далее, и так далее... Кто будет проверять? Все давно уже умерли. Ну да, было внимание, были очень интересные в жизни ситуации. Не было того, за что мне могло быть неловко.

— «В первый брак девушка вступает от помрачения рассудка. Во второй — от настоящей любви. В третий — по страсти. В четвертый — от отпущности. В пятый — в надежде...» Слова Элизабет Тейлор можете подтвердить?

— Это замечательно, значит, у меня впереди столько вариантов! Но это опять-таки — у нее так случилось. У меня первый брак по любви был. И это не то чтобы: ах! — увидел и рухнул. Нет. Мы полтора года общались...

— Первый опыт положительный или отрицательный?

— Ничего не бывает по отдельности — все вместе. Он принес и счастье, и радость общения. Поскольку это был Владимир Александрович Фетин, режиссер, я снималась у него в «Донской повести» в «Вирине». Потом уже пришло понимание, что это не просто романная история — это в романе все красиво, — а жизнь. Со всеми ее радостями и горестями.

Это ведь только с годами понимаешь, что женщине необходимо терпение и смирение в браке. Это не значит какая-нибудь смиренная коза — нет, нет. Это значит быть мудрой. Проходит этап страсти и какого-то сумасшествия, как пишет Элизабет Тейлор, умопомрачения. И если все-таки сохраняется чувство и желание быть вдвоем, так важно понимание одного другим...

— Но есть вещи, понять которые можно, а вот смириться...

— Ну да, мягкость характера не позволяла Фетину лишний раз отказаться от стопки. Человек он был очень добрый, родители мои его очень любили. Но знаете, в какой-то момент ты понимаешь, что не можешь ему помочь, не можешь с этим справиться. И он не может и не хочет справляться. Один метод был испробован, второй, третий — и ничего не помогает. А когда ничего не помогает, тогда уж лучше взять чемаданчик и уйти. Что в общем-то я и сделала.

— Правда, что однажды вы были настолько разочарованы жизнью, что хотели покончить собой?

— Да, имело место. Это был мост, Нева... Потому что в какой-то момент наступило отчаяние, что в очередной раз я не справляюсь с пороком мужа, казалось, положение безвыходное. Глупость, конечно. Но этого не произошло, значит, для чего-то я еще нужна была на этой земле.

— А почему с Игорем Андроповым брак был таким недолгим? Нелегко быть женой такого человека?

— Ну и, я думаю, быть мужем такой женщины, как я. И что значит «недолгий»? Конечно, не 25 лет. Он был столько, сколько ему суждено было быть. Мы прожили в общей сложности около семи лет. И вообще, по поводу Игоря Андропова все вопросы ваши я заранее снимаю. Человек недавно ушел из жизни. Я была в Ташкенте, к сожалению, не смогла приехать на похороны...

— Еще одну фразу зачитаю, это уже Людмила Гурченко. «Актрисе нельзя быть матерью. Все нужно отдавать или профессии, или детям. Я выбрала первый путь...»

— Вы знаете, это же отношение к профессии. Она в этом плане фанатик. Я по-другому устроена. Я в профессии очень добросовестна, как могла честно столько лет в ней существовала. Но ради профессии я не переступлю через себя и не сожгу родную хату.

— А вам есть за что ненавидеть профессию?

— Я могу ее ненавидеть. Могу ненавидеть за двуличность. Приходится иногда видеть, как коллеги — женщины особенно — не всегда себя ведут достойно. Почему-то им кажется, что их профессия позволяет им считать себя кем-то избранным, выше нормальных людей. Но я этой профессии очень благодарна. Во-первых, она дает мне возможность до сих пор работать, зарабатывать. Во-вторых, подарила мне столько встреч с потрясающими артистами, людьми. В-третьих, это возможность ездить, общаться...

— Но профессия актерская очень зависима. А вы такая независимая женщина.

— Независимости на этой земле нет. Мы зависим от погоды, от природы, от соседей... У меня есть мое право: выходить замуж или не выходить, соглашаться на роль или нет. Есть права. Обязанностей куда больше...

Дмитрий МЕЛЬМАН.

Несколько лет назад Людмила Чурсина и Клара Лучко отметили свои дни рождения вместе.